

Международные отношения: история, теория, социокультурная практика

О.В. Павленко

Миф о панславизме в западной историографии периода холодной войны

В статье рассмотрены ключевые работы западных авторов о панславизме, опубликованные в период холодной войны. Проанализировано влияние идеологического фактора на исследовательские концепции. Геополитические реалии холодной войны упрочили историографический миф о панславизме, созданный еще в межвоенный период, и способствовали тому, что он вошел в исследования по истории международных отношений и внешней политике России XIX и XX вв. без критического анализа и научного осмысления. Тем не менее наряду с литературой, построенной на идеологических штампах, в США и Западной Европе развивалось научное направление, изучающее славянский фактор во всей его сложности, на основе сопоставления разных источников.

Ключевые слова: панславизм, холодная война, руссика, советология, славянский вопрос.

Пик интереса к славянскому фактору в истории международных отношений пришелся на 1950–1960-е гг. Идеология противостояния в эпоху холодной войны придавала изучению славянской темы острый политический привкус. Во главу угла ставилась категория «политического противостояния», на основе которой создавалась шкала контрастных оценок. Если в межвоенный период оценки «прогрессивный/реакционный» были скорее казусом в западной историографии, то в 1940–1960-е гг. эта нормативная предвзятость утвердилась в исторических исследованиях на Западе и Востоке. Собственно, сама установка представлять

© Павленко О.В., 2017

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 15-18-30087 «Россия – Европа: вехи совместной истории в коллективной памяти. XIX–XX вв.».

прошлое в категориях современного мира и проводить прямые политические аналогии была особенно усилена идеологическими условиями холодной войны. Она была характерна как для западной, так и для советской историографии, особенно в середине XX в. Резко менялась тональность исторических исследований, где становилось нормой придавать изучению прошлого актуальные политические смыслы. Тенденции, заложенные еще в межвоенный период, дали импульс новым историографическим направлениям в эпоху холодной войны.

Неудивительно, что в фокусе пристального внимания оказалась тема панславизма. Восточный блок, созданный СССР после Второй мировой войны, в интерпретациях западной историографии казался воплощением русского панславизма конца XIX в. Соблазн подобных аналогий был настолько велик, что исследователей не смущала ограниченность базы источников и заданная предвзятость подобного подхода. Сочинение Альфреда Фишеля уже воспринималось как достоверный источник, не требующий критического анализа. Из одной работы в другую перетекали одни и те же ссылки на сочинения славянофилов и панславистов. Различие состояло лишь в ригоризме выводов авторов. Это время совпало со становлением русистологии и советологии в американских университетах, когда резко возрос спрос на изучение «русской политики» в США. Неудивительно, что тон в славянских исследованиях задавали американские ученые, большинство из которых были эмигрантами из Восточной Европы в первом или втором поколении.

Благодаря стараниям американского историка Ганса Кона, выходца из Богемии, был реанимирован миф о панславизме. Именно этот ученый придал ему статус историографической концепции, не подлежащей сомнению. К тезису о панславизме, который изнутри взорвал благополучную жизнь Дунайской монархии, Ганс Кон добавил современные политические аналогии. В 1953 г. он издал книгу «Панславизм. Его история и идеология» на основе курса лекций, прочитанного в Университете Нотр-Дам. Он пытался проанализировать развитие славянской идеологии «от Гердера до Сталина». Будучи убежденным русофобом, Г. Кон расценивал панславизм как движение «с ультранационалистическими элементами», «проявление политической слабости» и «реакции славянских народов на германизацию и мадьяризацию»¹.

В книге «Сознание современной России» (1955) Кон ставил вопрос: «В чем истоки экспансионистского способа мышления русских?» Историческую дихотомию «Россия – Запад», сложившуюся в русской интеллектуальной традиции, он описывал через

категорию «русский национальный характер». Не утруждая себя анализом источников, Кон повторял вывод, сделанный западными либералами еще в середине XIX в.: русским свойственен социальный утопизм, склонность к мифологическому мышлению, романтические рефлексии². В этом он видел причину неприятия России в европейской среде: «Глубокий антагонизм, который, по мнению некоторых русских интеллектуалов, отделяет Россию от Запада, наряду с возрастающей силой и агрессивностью русского государства, создал действительно фантом страха перед Россией в Европе в XIX в.»³. Кон шел дальше, утверждая, что коммунистическая идеология СССР генетически связана с имперским панславизмом: «Со времени Погодина до последних лет Сталина, в течение целого столетия, панславизм играл доминирующую роль в русском сознании. Русские не только провозглашали свою роль защитника и лидера всех славян, но также подчеркивали единство славян до такой степени, что для многих русских стали синонимами слова “русский” и “славянин”»⁴.

Несмотря на подобные утверждения, более соответствовавшие политической публицистике, Г. Кон пользовался репутацией признанного специалиста по панславизму и российской политике. В авторитетной энциклопедии «Британика» (1968) именно ему была доверена статья о панславизме⁵. Не будет преувеличением констатировать, что он заложил основу в изучение панславизма и российской внешней политики в западной историографии, которая продержалась не одно десятилетие. Российские дипломатические источники были зарубежным ученым недоступны, многие из «специалистов по России» не знали толком русского языка, трудов советской историографии по сопредельным темам и документальных публикаций. Большинство зарубежных работ вращалось вокруг определенного корпуса источников, которые цитировали их предшественники еще в конце XIX – начале XX в. Главным было довести до массового сознания мысль о том, что просоветская Восточная Европа является воплощением «великодержавного панславизма».

Исключением из общего потока стали несколько исследований, авторы которых пытались шире взглянуть на славянскую проблематику и выйти из замкнутого круга расхожих идеологических клише. В книге американского ученого Михала Боро Петровича «Возникновение русского панславизма в 1856–1870 гг.» (1956), ставшей частью крупного проекта Русского института при Колумбийском университете, теоретические положения и фактические материалы были сходны с известной книгой А.Н. Пыпина «Панславизм в про-

шлом и настоящем» (1908). Автор неоднократно на нее ссылаясь и многое заимствовал. Понятие «панславизм» он широко трактовал как «различные проявления славянской культурной солидарности, более-менее выраженные политические программы, идеи региональных межславянских союзов»⁶. Отчетливо были выделены две модели – «русский панславизм» и «славянский панславизм», причем последний трактовался исключительно как «культурное явление», не связанное с политикой. Такая позиция хоть и выглядела наивной, но повторяла утверждения славянских интеллектуалов XIX в., которые пытались доказать своим немецким оппонентам, что требование языкового и культурного равноправия славян с немцами не имеет никакой политической подоплеки⁷. «Русский панславизм», по мнению Петровича, превратился в политическую доктрину после поражения России в Крымской войне и стал неотъемлемой частью «государственного национализма»⁸.

В исследовании другого американского слависта, ученика Б. Самнера Н. Риасановского «Россия и Запад в учении славянофилов» (1952) был проанализирован консервативный тип мышления у русских. Автор доказывал, что русский консервативный национализм – совершенно особое явление, которое включает следующие установки: 1) фундаментальные противоречия между Россией и Западом обусловлены историческим развитием и потому неизменны; 2) Россия обладает выраженными преимуществами перед западным обществом; 3) традиционные ценности России истинны и вечны, поэтому в будущем она будет доминировать в мире. «Панславизм» в трактовке Н. Риасановского – это «консервативное националистическое течение», которое «разрушило целостность славянофильского учения» и использовало отдельные его постулаты для обоснования «наиболее экстремальной формы монархизма и консерватизма»⁹. Таким образом, оценка российского консерватизма соответствовала той полемической тональности, в которой его критиковали либеральные мыслители в России на рубеже XIX–XX вв.

В этом же ключе была выдержана книга Ф. Фаднера «Семьдесят лет панславизма в России. От Карамзина к Данилевскому» (1962). «Великодержавный панславизм» исследователь рассматривал как консервативную рефлексию, которую поддерживало царское правительство в условиях «спада международного влияния России после Крымской войны»¹⁰. В то же время Ф. Фаднер подчеркивал, что славянская идея в России имела не только имперскую трактовку. В противовес «государственному национализму» существовало радикально-демократическое направление. В публицистике А. Гер-

цена и М. Бакунина содержался призыв к славянской «демократической солидарности» против тронов Габсбургов и Романовых.

Стоит отметить, что во всех вышеперечисленных трудах ощущается влияние концепции А.Н. Пыпина. Эти работы составили отдельную группу в американских славистических исследованиях, существенно отличающуюся от упрощенных идеологических схем в духе Г. Кона.

Исследование славянского фактора было продолжено в работах Д.Ф. Брэдли, специалиста по дипломатической истории. Особое внимание он уделил чешскому национализму, который рассматривал как «типичное проявление чувства национального самосохранения у «малого» народа, поставленного перед угрозой ассимиляции»¹¹. Панславизм, по его мнению, использовался чехами как средство политического давления на Вену и не являлся целью национальной политики. Более того, ссылаясь на донесения французских дипломатов, имевших конфиденциальные источники информации среди чешских политиков, Брэдли отмечал, что Россия также не стремилась к перекройке государственных границ Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны. Чехи лавировали между Петербургом и Парижем, пытаясь выработать свою внешнеполитическую стратегию. При знакомстве с дипломатическими документами профессиональные историки понимали, что историографический миф о «панславистской угрозе» России не выдерживает критики.

По-новому смог осмыслить тему панславизма профессор Иллинойского университета Стэнли Б. Кимбалл в монографиях «Чешский национализм. Исследование национального театрального движения. 1845–1883 гг.» (1964) и «Австро-славянское возрождение» (1973). Он обратил внимание на компенсаторную функцию национализмов малых народов. «Это была в определенной степени манифестация, стремление возродить средневековые утраченные традиции и достоинство»¹². Ему удалось провести успешное сравнительное изучение всех славянских матриц, существовавших на территории монархии Габсбургов. На основе широкого массива источников С. Кимбалл пришел к выводу, что панславизм представлял собой широкое движение среди патриотической интеллигенции, направленное на расширение культурных взаимосвязей и укрепление политической солидарности австрийских славян¹³.

Так постепенно идеологическая предвзятость в отношении понятия «панславизм» в западной историографии преодолевалась, несмотря на заданную политизацию русской темы. Если в много-томной энциклопедии «Американа» (1986) еще продолжали сохраняться упрощенные формулировки¹⁴, то во французской энци-

клопедии «Ла русс», напротив, отмечалось, что панславизм потерял свое влияние в России еще в царствование Александра II, а к концу XIX в. эти взгляды были свойственны лишь представителям крайне правой оппозиции. В самом движении за общеславянское объединение выделялись различные политические течения – консервативное, либеральное и радикально-демократическое¹⁵. В немецком энциклопедическом издании «Бертельсманн» (1977) понятие «панславизм» трактовалось широко как движение с целью культурного и политического объединения всех славянских народов. К нему были отнесены: австрославизм, иллиризм, польский мессианизм. Особо подчеркивалось, что в России под влиянием «деспотического государственного устройства» мессианские идеи превратились в панрусизм, ставший «мощным инструментом проникновения России на Балканы». Однако осторожно добавлялось, что «понятие панславизм было отвергнуто советским правительством, стремившимся возродить идею славянской взаимности во время Второй мировой войны»¹⁶.

Таким образом, геополитические реалии холодной войны упростили историографический миф о панславизме, созданный еще в межвоенный период. На волне роста интереса к россике и советологии в западной историографии он легко вошел в многочисленные исследования по истории международных отношений и внешней политике России не только XIX, но и XX столетия, без должного критического анализа и научного осмысления. Тем не менее наряду с литературой, построенной на идеологических штампах, свойственных мышлению холодной войны, в США и Западной Европе развивалось научное направление, изучающее славянский фактор во всей его сложности, каждый раз применительно к конкретной исторической ситуации на основе сопоставления разных источников.

Примечания

- ¹ *Kohn H.* Pan-Slavism. Its History and Ideology. Univ. of Notre Dame Press, 1953. P. 1–7; 251–252.
- ² *Kohn H.* The Mind of Modern Russia. Historical and Political Thought of Russia's Great Age. New Jersey; New Brunswick, 1955. P. 9–11.
- ³ *Ibid.* P. 22.
- ⁴ *Ibid.* P. 69.
- ⁵ *Kohn H.* Pan-Slavism // Encyclopaedia Britannica. Chicago, 1968. Vol. 17.
- ⁶ *Petrovich M.B.* The Emergence of Russian Pan-Slavism, 1856–1870. Studies of the Russian Institute of Columbia University. N. Y., 1956. P. X.

- ⁷ Ibid. P. 17–31.
- ⁸ Ibid. P. 51–53.
- ⁹ *Riasanovsky N.V.* Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles. A Study of Romantic Ideology. Cambridge, 1952. P. 202–210 (Впоследствии эти же идеи были изложены ученым в книге: *Riasanovsky N.V.* A History of Russia. N. Y., 1963).
- ¹⁰ *Fadner F.* Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: From Karamzin to Danilevsky. 1800–1870. Washington, 1962. P. 404.
- ¹¹ *Bradley J.F.N.* Czech Nationalism in the Light of French Diplomatic Reports. 1867–1914 // *The Slavonic and East European Review*. 1963. Dec. Vol. 42. № 98. P. 38–53; *Idem.* Czech Pan-Slavism before the First World War // *Ibid.* 1961. Dec. Vol. 40. № 94. P. 184–205.
- ¹² *Kimball S.B.* Czech Nationalism. A Study of the National Theatre Movement. 1845–1886. Illinois, 1964. P. 110.
- ¹³ *Kimball S.B.* The Austro-Slav Revival. A Study of Nineteenth-Century Literary Foundations. Philadelphia, 1973.
- ¹⁴ Панславизм трактовался как «движение XIX века, корни которого уходят в более ранний период, обосновавшее идею унификации всех славян на географической, языковой, этнической и религиозной основе. Движение, которое возродилось в результате усилий советского правительства во время Второй мировой войны» (*Czap P.* Pan-Slavism // *Encyclopedia Americana*. N. Y., 1986. Vol. 21. P. 248).
- ¹⁵ Panslawism // *Grand Dictionnaire Encyclopédique Larousse*. P., 1985. Vol. 8.
- ¹⁶ Panslawismus // *Das Bertelsmann Lexikothek*. München, 1977. Bd. 7.